

Р А З Г О В О Р Ъ

Книгопродавца съ Поэтомъ. *

Книгопродавецъ.

Спинки для васъ одна забава,
 Немножко споиншь вамъ присѣспи,
 Ужъ разгласишь успѣла слава
 Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть :
 Поэма, говоряшь, гопова,
 Плодъ новый умспивенныхъ запѣй.

* Было напечатано при первой главѣ Онѣгина.

И такъ рѣшите; жду я слова:
 Назначите сами цѣну ей.
 Спишки любимца музъ и грацій
 Мы вмнгъ рублями замѣнимъ,
 И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
 Листочки ваши обращимъ.
 О чемъ вздохнули такъ глубоко,
 Не льзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:
 Я время то воспоминаль,
 Когда, надеждами богатый,
 Поэтъ беспечный, я писалъ
 Изъ вдохновенья, не изъ плаши.
 Я видѣлъ вновь пріоны скаль
 И темный кровъ уединенья,
 Гдѣ я на пиръ воображенья,
 Бывало, музу призываю.
 Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;

Тамъ долѣ лркія видѣнія,
 Съ неизъяснимою красой,
 Вились, лепили надо мной
 Въ часы ночнаго вдохновенія.
 Все волновало пѣжный умъ:
 Цвѣтущій лугъ, луны бліспанье,
 Въ часовиѣ ветхой бури шумъ,
 Спарушки чудное преданье.
 Какой - то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ;
 За мной повсюду онъ лепилъ,
 Миѣ звуки дивные шепталъ,
 И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя раждались;
 Въ размѣры спройные спекались
 Моя послушныя слова
 И звонкой рѣмой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,

Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шопотъ рѣчки тихоструйно
 Тогда, въ безмолвіи прудовъ,
 Дѣлишься не бывъ я гоповъ
 Съ полпою пламеннымъ воспоргомъ,
 И музы сладоспиныхъ даровъ
 Не унижаль постыднымъ торгомъ;
 Я бывъ хранишель ихъ скуной:
 Такъ точно, въ гордосипи пѣмой,
 Опь взоровъ черни лицемѣрной
 Дары любовницы младой
 Хранишъ любовникъ суевѣрной.

Книゴродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
 Мечтанья шайнаго отрады:
 Вы разошлися по рукамъ,
 Межъ пѣмъ, какъ пыльныя громады
 Лежаюй прозы и спиховъ

Напрасно ждуть себѣ чтецовъ,
И вѣщеннай ся награды.

П о э тъ.

Блаженъ, кто про себя шанъ
Души высокія созданья,
И опъ людей, какъ опъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:

Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
 Ихъ сладкозвучныя шворенья.
 И впрямъ, завидѣнъ вашъ удѣль:
 Поэпъ казнишъ, поэтъ вѣчаетъ;
 Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣль:
 Въ потомешвъ дальнемъ поражаешь;
 Героевъ упѣшаешь онъ;
 Съ Коринной на Києрскій тронъ
 Свою любовницу возносишъ.
 Хвала для васъ докучный звонъ;
 Но сердце женщинъ славы проситъ:
 Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
 Пріяшиа леспъ Анаkreона:
 Въ младыя лѣта розы намъ
 Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
 Упѣхи юности безумной!
 И я, средь бури жизни шумной,

Искалъ вниманья красоты.
 Глаза прелестные чипали
 Меня съ улыбкою любви;
 Уста волшебныя шептали
 Миъ звуки сладкіе мои:
 Но полно; въ жерпву имъ свободы
 Мечтатель ужъ не принесетъ;
 Пускай ихъ юноша поетъ,
 Любезный баловень природы.
 Что миъ до нихъ? Теперь въ глухи
 Безмолвно жизнь моя несется;
 Стонь лиры вѣрной не коснется
 Ихъ легкой, вѣтреной души;
 Нечисто въ нихъ воображенье:
 Не понимаешь нась оно,
 И, признакъ Бога, вдохновенье
 Для нихъ и чуждо и смѣшно.
 Когда па память миъ невольно
 Придешъ внушенный ими стихъ,
 Я содрагаюсь, сердцу больно:

Миъ спыдно идоловъ моихъ.

Къ чему, несчастныій, я спремился?

Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?

Кого восторгомъ чистыхъ думъ

Богошворить ни устыдился?

Книго продавецъ.

Люблю вашъ тг҃бвъ. Таковъ поэтъ!

Причины вашихъ огорченій

Миъ знать нельзѧ; но изключеній

Для милыхъ дамъ уже ли нѣшь?

Уже ли ни одна не споитъ

Ни вдохновенья, ни спраспей,

И вашихъ пѣсень не присвоитъ

Всесильной красотѣ своей?

Молчите вы.

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту

Тревожить сердца тяжкій сонъ?

Безплодно память мучить силь.
 И что жь? Какое дѣло свѣту?
 Я всѣмъ чужой. Душа моя
 Хранишь ли образъ незабвенный?
 Любви блаженство зналъ ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таилъ я слезы въ шишинъ?
 Гдѣ та была, копорой очи,
 Какъ небо, улыбались мнѣ?
 Всѧ жизнь, одна ли, дѣлъ ли почти?

• • • • • • • • • •

И что жь? Докучный спонъ любви,
 Слова покажущія мои
 Безумца дикимъ лепетаньемъ.
 Тамъ сердце ихъ поймешь одно,
 И что съ печальнымъ содраганьемъ:
 Судбою такъ ужъ рѣшено.
 Ахъ, мысль о той души завалой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой

Часть IV.

Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла
 Стихи неясные мои;
 Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасныя желанья!
 Она отвергла заклинанья,
 Мольбы, тоску души моей:
 Земныхъ воспорговъ изліяния,
 Какъ божеству, невужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью ушомленной,
 Наскуча лепетомъ молвы,
 Заранѣ опоказались вы
 Опъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И музъ, и вѣтреную моду,
 Что жъ изберете вы?

П о э тъ.

Свободу.

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вонъ же вамъ совѣшь;
 Внемлише испинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ шоргашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
 Безъ денегъ и свободы нѣшь.
 Что слава? Яркая заплата
 На вешхомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата:
 Копите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье;
 Но васъ я знаю, господа:
 Вамъ ваше дорого творенье,
 Пока на пламени шруда
 Кипишъ, бурлишъ воображенье;
 Оно застынетъ, и тогда
 Постыло вамъ и сочиненье.

*

Позвольте просто вамъ сказать:
 Не продаётся вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.
 Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходяты
 Неперпѣливые чтецы;
 Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
 За ними тощіе пѣвцы:
 Кто проситъ пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера;
 И, признаюсь, опѣтъ вашей лиры
 Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись.
 Условимся.

